

Пишу не для себя

Сегодня у нас в гостях заслуженный работник культуры Республики Казахстан Топенберген ТОБАГАБЫЛ. Видный казахский писатель и журналист, удостоенный в свое время престижного в электронных СМИ почетного знака "Отличник телевидения и радио СССР", встретил недавно свой 70-летний юбилей.

- Я к вам добирался довольно долго из-за автомобильных пробок. - начал разговор Топенберген Абенович. - И как давний алмаинец хочу с первых минут пребывания в редакции "Вечерки" высказать слова признательности главе города Имангали Тасмагамбетову за то, что он целеустремленно и динамично стремится решить транспортные проблемы города. Строятся новые развязки, прокладываются улицы и проспекты, заново задышал "Метрострой". Неужели об этих пресловутых пробках на улицах южной столицы мы будем в скором времени только вспоминать? С облегчением и юмором.

- Токе, вопрос по ассоциации. Как вы решаете проблему словесных "пробок" в работе над текстом - в художественной прозе или журналистике, когда вдруг останавливается процесс?

- Тогда бросаю все. Иначе можно впасть в заблуждение. Потом, может быть, через день, возвращаюсь. Хожу по кабинету, сплываю по квартире, выхожу на балкон. Искомое слово возникает неожиданно. Я постоянно себя редактирую. Я сам себе жестокий враг. Иногда крушу целые страницы написанного текста: не так!

- Отчего это эстетичность?

- От осознания личной ответственности за свое слово. Если читателя не затронешь, зачем ты нужен? Ложное слово его отшатнет. Ты должен быть признан читателем - и как писатель, и как журналист.

- Особое отношение к слову, наверное, все-таки не врожденное свойство? Оно от обучения и воспитания литературного. Кто вас такому отношению учил?

- Чувство слова - шестое чувство писателя, природное чувство. Но это не исключает учебы. Нет смысла копировать мастера - Льва Толстого, скажем, или Абдыжана Нурпеисова. Вот Чингиз Айтматов. Мог бы он подражать Мухтару Ауэзову, своему учителю? Наверное, мог бы. Но он предпочел, как говорил великий русский певец Сергей Лемешев, "не подражать, а изучать" стиль великого мастера. И потому стал Чингизханом мировой литературы.

- Как писатель определяет свое место в литературной иерархии?

- Это дело не его. Читатель. Причем читатель следующих поколений. Они скажут, что есть кто. Ауэзов - вершина казахской литературы, а как его сегодня критикуют! За то, что отступил от исторической достоверности при создании образа Кунанбая - отца Абая. Сам Абай говорил: "Не меня надо возносить, а отца моего достопоклоняемого". Иначе говоря, славить надо генетику, пример старших, традиции воспитания.

- Вы родом из Кызылординской области, с берегов Сырдарьи. Для мало-мальски начитанных людей эти места страшно ассоциируются с образами поэта Аскара Томагамбетова, академика-литературоведа Мухамеджана Каратаева. Как думаете, имеет для писателя значение место его рождения?

- Входит среда. Кызылординская земля - страна поэзии. Она дала народу многих мастеров художественного слова. Базар-жырау, Турмагамбет Изилуев, Омар Шоражыков... Всех не перечислить. В 1926 году, вскоре после того, как г. Перовск (бывший г. Акмечет) был переименован в Кызыл-Орду и стал столицей советского Казахстана, вышло постановление правительства республики о создании Казахской ассоциации пролетарских писателей. И Сакен Сейфуллин, и Сабит Муканов работали тогда там. Абдылда Тажимаев был разношерстным газет. Город помнит его голос: "Покупайте газету "Ейбекши казак"! Так назывался тогда "Социалистический Казахстан" (нынешний "Егемен Казахстан"). А поэт и писатель Калмахан Абдырахимов работал курьером в редакции. Вот с чего начинали многие наши именитые литераторы.

И старший брат моей матери мой дядя Сеил Дурусов - знаменитый в прошлом поэт. Он был учителем Аскара Томагамбетова, который посвятил ему стихотворение. И моя мама тоже поэтесса была. Она даже писала в стихах. И мои родственники по линии дяди стихи сочиняли. И старшая сестра моя, живущая сейчас в Шымкенте, пишет стихи до сих пор, красивые стихи. Все это на меня влияло. Я пошел в школу не в семь, а в девять лет. Шла война, мы в ауле нашем жили бедно, мне не во что было одеться. Писать стихи я начал еще в 4-м классе. Впервые мое стихотворение увидело свет в областной газете еще в 1955 году. Это я считал началом моего творческого стажа. Я вместе с Насреддином Сералиевым, Саги Жиенбаевым, Саидом Баязитовым и другими, ставшими потом известными писателями, входил в областное литературное объединение, которым руководил А. Томагамбетов.

После службы в армии я был принят литсотрудником в терекско-сую районную газету, тогда как даже дипломатические журналисты работали корректорами. Сыграло роль то, что, начиная с восьмого класса, мои информационные и корреспонденции печатала газета "Ленинские жас" (ныне "Жас Алаш"). В Алма-Ату я приехал в 1962 году, здесь окончил отделение журналистики филологического факультета КазГУ.

- А когда вступили в Союз писателей?

- Дослано позаднее - в 1974 году. Я об этом и не думал, пока поэт Хамит Ергалиев не сказал мне: "Ты что?". И сразу дал рекомендацию. При приеме решающее слово было за нашим классиком Габитом Мусреповым. Процедура была такая. Габит Мамбурдин брал книгу претендента, выбиралочку прочитывал отдельные странички и, если ему не нравилось, бросал на стол: "Не пойдет!" И я через это чистилище прошел. Стоим мы в коридоре, пережидая. Выходит Кайжан Искаков, секретарь приемной комиссии, и говорит очень вежливо одышкой из нас: "Вы, на полтам оставили". Ну а нас, тех, кто прошел, приглашали в кабинет и поздравляли.

Входя в то, что считал "членство в Союзе писателей", вещь негласительная. Разве Абай или Мағамбет, или Шығарым были его членами? И в США подобной организации нет.

- Что питает тягу к сочинительству, что влечет к письменному столу?

- С пером в руке я сам себе владыка. Никто надо мной не нависает - ни Абай, никто. Иначе я бы не мог писать. Пишу и беспощадно редактирую. Чтобы как можно более точно и для читателя убедительно жизнь отразить. Жизнь своего духа. И картины бытия. Это, я думаю, мечта, цель и задача каждого, кто берется за перо. Не для славы. Для правды.

Когда творили, например, Ахмет Байтұрсынұв, Миржакип Дулатов, они запечатлевали свое время, ставшее сейчас историей. Их произведения - это своего рода документы той эпохи. Та же газетная статья, где взволнованный автор поднимает злободневный вопрос текущего момента, завтра, когда и время это утечет, и вопрос вроде бы утратит актуальность, станет бесценным интеллектуальным достоянием для новых поколений, духовным наследием.

Как Абай о своей эпохе писал! Как своих современников изобличал! Как критиковал недостатки родного народа!.. Никого из его ровесников давно уже нет. А мы воспринимаем Абая как сегодняшнего поэта и современного мыслителя. Потому что, увы, ментальные черты народа с той поры почти не изменились, не усовершенствовались.

- Наверное, любой народ тащит на себе родимые пятна своих праотцов. Не делает ли это труд просветителей в принципе бесполезным?

- Ни писатель не решает проблем, ни журналист. Ведь ни тот, ни другой не хан и не царь, не президент и не премьер-министр. Они только ставят вопросы и освещают проблемы со всем пафосом духовного негодования и во всем блеске литературного мастерства. И эти исполняют свой долг или "завещанный от Бога", или взысканный на них профессией.

Посмотрите, сколько в наше время исписано публицистических страниц о коррупции, разлагающей общество, о необходимости расширения и укрепления функций казахского языка. "Ратники пера" свое слово сказали. Дело за "военачальниками". Многие русские классики ратовали за нужды народа - от Радищева до Льва Толстого! Толстой не раз обращался к царям. Даже на смертном одре диктовал своему сыну Сергею письмо на высочайшее имя. Толстой умер. Царя убили. Большевиков проблем не только не решили, но еще больше все запутали.

- Иной раз лик грядущего вернее угадывается в приметах природы, чем в текущих социально-политических явлениях. В вашей повести "Поймешь ли меня?" старики судят о характере предстоящей зимы по такой вот детали позднего ноября - если осина не сбросила листву и крона ее почти еще зелена, то зима будет мягкой. Где вы признали про эту примету?

- Услышал от аскалов.

- В своих прозаических произведениях, написанных в минувшую эпоху, вы романтично и драматично отражали жизнь в ее советских реалиях. Я говорю о ваших повестях "Еще одна осень" (о жизни верблюдоводов), "Судьба" (о буднях послевоенного аула), "Ненастный день весны" (о первой любви), которые вместе с вышеназванной повестью вошли в книгу "Время жить", изданную на русском языке.

- Тогда все зарили на жизнь через "партийные очки". Куда было деваться?

- Теперь писатели свободны...

- Хо Ши Мин сказал: "Свобода - прежде всего!"

- Это многие, наверное, могли бы сказать.

- Да, но не каждый - Хо Ши Мин. И умудренный жизнью рисовод нередко правильные мысли высказывал.

Но если ки провозгласит президент, то весь Вьетнам будет говорить: "Это дедушка Хо сказал!"

Так вот о свободе... Одного балкарского чабана, который почти сто лет пас скот в горах, спросили, в чем причина его долголетия. Он ответил: у меня отродясь начальника не было, и я никогда не носил часов.

Главная же моя проблема не в свободе слова. И даже не в моей внутренней цензуре. В шкафу ждут своего часа папки с сотнями исписанных страниц. Писатель в наше время, как правило, сам финансирует издание собственных книг. У меня таких денег нет. Но даже если что-то издашь, все проблемы по реализации тиража лягут на тебя же. Не буду же я в свои 70 лет книгоношей. Хотя сами тиражи прозы просто смешны: 1000 экземпляров, когда в одном только моем Бостандыкском районе проживают триста тысяч человек.

- На какого читателя рассчитаны ваши будущие книги?

- На мыслящего. Еще в последнее советское десятилетие, самое кризисное, я из-за трудности преодоления издательских барьеров (попробуй сохранить ладно-новое, когда тебя постоянно вычерчивают из плана) перешел на публицистику. Это, например, эссе "Жить и быть", статья "На чужбине мы живем?", заметки "Давать уметь любить свой народ". Отклики на них шли и от казахских, и от русских читателей со всего Казахстана. Но недавнее мое интервью - "Страна будет относиться к тебе, как к сыну, если ты сам, как сын, будешь относиться к своей стране". Оно было напечатано 20 мая в газете "Егемен Казахстан".

- Заголовок звучит афористично. Я вообще заметил, что вы склонны орнаментировать свои тексты крылатыми выражениями. Их можно встретить и в вашей художественной прозе, и в публицистике. Например, в эссе "Жить и быть" трогает сердце меткая фраза: "Сорванный цветок скоро осыпается". Это об утрате кровных связей человека с родной землей и языком.

Ваше последнее интервью пока не переведено на русский. О чем оно?

- Здесь четыре раздела. "Родная земля - наша колыбель", "Каждый обязан быть алым", "Твои горизонты -

простор языка" и "Как жить, как быть?". Последний раздел посвящен моральным принципам Корана, который является нравственным кодексом человека. Как и Библия. Так вот мы сейчас звонят со всех концов страны.

- Темы ваших выступлений вам заказывают редакторы газет?

- По заказам шьют обувь сапожники. Я пишу, когда тема рвется из сердца.

- Вы не только писатель, но и известный в Казахстане радио- и тележурналист. Около тридцати лет работали главным редактором в системе Гостелевидения Казахстана. Из них почти два десятилетия возглавляли главную литературно-драматическую редакцию Казахского радио.

- Сейчас в теледиалоги компании "Казахстан" уже нет бывшей отраслевой структуры. Богатейшие фонды, накопленные за десятилетия творческой работы мастеров литературы и искусства в содружестве с асами телерадиожурналистики, ждут своего возрождения в национальном эфире. Я уверен, что когда-нибудь здесь будет начат подъем "залежных земель" в этой сфере национального культурного наследия. В "Алтын кор" (Золотом фонде) Казахского радио немало спектаклей по моим радиопесям и инсценировкам лучших произведений наших классиков и современных писателей. Их новая жизнь в эфире могла бы стать праздником для сотен тысяч слушателей, помнящих славные традиции Казахского радио.

- Были вы и членом сценарной коллегии студии "Казахтефильм", участвовали в создании документальных телефильмов и фильмов-концертов. Есть, видимо, и ленты, снятые по вашим сценариям?

- Их три. Одна называется "Вершина". Она о Мухтаро Омархановиче Ауэзове. От данной темы все сценаристы отказались из-за отсутствия "сырья" - материалов для фильма. Когда я осознал всю непомерную сложность задачи, было уже поздно: я связал себя договором. Лейла Мухтаровна, дочь писателя, помогла мне всем, чем только могла. Но иконография оказалась чрезвычайно бедной: мало фотографий, скудная кинохроника. Я исчерпал фактически весь ауэзовский "видеоряд", до последнего кадра, из центральных и мемориальных архивов. Больше не осталось ни одного неиспользованного кинофотодокумента. На этом пути теперь возможны только повторения.

Второй мой фильм, посвященный прославленному когда-то чабану из Жетысу Мухану Коккозову, был выдвинут на Всесоюзный смотр телефильмов, который проходил во Владивостоке и завоевал диплом. Я там познакомился с великим диктором, народным артистом СССР Юрием Левитаном. Какая мощь и голоса, и личности!

А героями лирической видовой ленты "Этот длинный весенний день" стали погонщик верблюдов и один из его подопечных. Мы смонтировали фильм только на музыку, без текста. Верблюд вообще очень любопытное создание. Как бы далеко его ни отвели, он обязательно вернется на старое место. В шутку сказать, верблюд лучше любого поводыря знает географию и ономастику.

- Эта шутка приобретает особый колорит, если знать, что вы до того, как обрести статус лица, получающего пенсию "за особые заслуги перед Республикой Казахстан", работали начальником отдела терминологии и ономастики в комитете по языкам кабинета министров РК.

Но вернемся в писательский мир. Как бы вы оценили качество языка современной казахской художественной литературы?

- Оно разное. Есть произведения, написанные очень богатым языком, они возрождают традиции красоты, свойственные художественной речи Бимбинга Майлина или Жусупбека Аймауытова. Особенно мне импонирует манера Калжана Искакова. Но печатается и такая сочинения. Как бы далеко его ни отвели, он обязательно вернется на старое место. В шутку сказать, верблюд лучше любого поводыря знает географию и ономастику.

- Эта шутка приобретает особый колорит, если знать, что вы до того, как обрести статус лица, получающего пенсию "за особые заслуги перед Республикой Казахстан", работали начальником отдела терминологии и ономастики в комитете по языкам кабинета министров РК.

Но вернемся в писательский мир. Как бы вы оценили качество языка современной казахской художественной литературы?

- Оно разное. Есть произведения, написанные очень богатым языком, они возрождают традиции красоты, свойственные художественной речи Бимбинга Майлина или Жусупбека Аймауытова. Особенно мне импонирует манера Калжана Искакова. Но печатается и такая сочинения. Как бы далеко его ни отвели, он обязательно вернется на старое место. В шутку сказать, верблюд лучше любого поводыря знает географию и ономастику.

- Эта шутка приобретает особый колорит, если знать, что вы до того, как обрести статус лица, получающего пенсию "за особые заслуги перед Республикой Казахстан", работали начальником отдела терминологии и ономастики в комитете по языкам кабинета министров РК.

Но вернемся в писательский мир. Как бы вы оценили качество языка современной казахской художественной литературы?

- Оно разное. Есть произведения, написанные очень богатым языком, они возрождают традиции красоты, свойственные художественной речи Бимбинга Майлина или Жусупбека Аймауытова. Особенно мне импонирует манера Калжана Искакова. Но печатается и такая сочинения. Как бы далеко его ни отвели, он обязательно вернется на старое место. В шутку сказать, верблюд лучше любого поводыря знает географию и ономастику.

Сергей ИСАЕВ